

говскому: «Язь Витебска стоупилъ тебе...» [13, стб. 693]. Они свидетельствуют, что Витебск не стал в 1160-е гг. составной частью Смоленской земли, а непосредственно подчинился власти киевского князя.

Поддержка Ольговичей, оказанная Васильке Брячиславичу, позволила последнему в марте 1196 г. вернуть себе Витебск. Последний раз он упоминается летописью под 1208 годом, когда овдовевший Всеволод Большое Гнездо вторично женился, «поя за ся Василковну, князя Витебскаго дщерь» [16, с. 108].

1. Алексеев, Л.В. Полоцкая земля в IX–XIII вв.: (Очерки истории Северной Белоруссии) / Л.В. Алексеев. – М.: Наука, 1966. – 295 с.
2. Алексеев, Л.В. Смоленская земля в IX–XIII вв.: Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии / Л.В. Алексеев. – М.: Наука, 1980. – 261 с.
3. Андрейченко, В.В. Полоцкие князья в XII – начале XIII вв. (проблемы истории и генеалогии) / В.В. Андрейченко // Віцебскія старажытнасці: матэрыялы навук. канф., прысвечанай 90-годдзю з дня нараджэння Л.В. Аляксеева, Віцебск, 28–29 кастр. 2010 г. – Мінск: Мелісонг, 2012. – С. 299–323.
4. Бережков, Н.Г. Хронология русского летописания / Н.Г. Бережков. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 376 с.
5. Данилевич, В.Е. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия / В.Е. Данилевич. – Киев, 1896. – XIII, 260 с.
6. Довнар-Запольский, М.В. Очерк истории кривичской и дреговичской земель до начала XIII столетия / М.В. Довнар-Запольский. – Киев, 1891. – 170 с.
7. Ермаловіч, М.І. Старажытная Беларусь. Полацкі і навагародскі перыяды / М.І. Ермаловіч. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1990. – 366 с.
8. Журавель, А. Лунно-солнечный календарь на Руси: Новый подход к изучению / А. Журавель // Астрономия древних обществ. – М.: Наука, 2002. – С. 209–214.
9. Журавель, А.В. Месяцы «книжные» и «небесные»: их соотношение на страницах летописей / А.В. Журавель // Историко-астрономические исследования. – М.: Наука, 2005. – Вып. XXX. – С. 56–75.
10. Каменцева, Е.И. Хронология: учеб. пособие для студентов вузов / Е.И. Каменцева. – М.: Высшая школа, 1982. – 187 с.
11. Карамзин, Н.М. История государства Российского в 12-ти томах. Т. II–III / под ред. А.Н. Сахарова / Н.М. Карамзин. – М.: Наука, 1991. – 832 с.
12. Полное собрание русских летописей. Том первый. Лаврентьевская летопись. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 496 с.
13. Полное собрание русских летописей. Том второй. Ипатьевская летопись. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 648 с.
14. Полное собрание русских летописей. Том III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М.: Языки русской культуры, 2000. – V–XII, 720 с.
15. Полное собрание русских летописей. Том XVIII. Симеоновская летопись. – М.: Знак, 2007. – 328 с.
16. Полное собрание русских летописей. Том 25. Московский летописный свод конца XV века. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 464 с.
17. Соловьев, С.М. Сочинения: В восемнадцати книгах. Кн. I: История России с древнейших времен. Т. 1–2 / С.М. Соловьев. – М.: Мысль, 1988. – 798 с.
18. Татищев, В.Н. Собрание сочинений: В 8-ми томах (5-ти книгах). Тома II и III. История Российская. Часть 2 / В.Н. Татищев. – М.: Ладомир, 1994. – 688 с.
19. Татищев, В.Н. Собрание сочинений: В 8-ми томах (5-ти книгах). Том IV. История Российская. Часть 2 / В.Н. Татищев. – М.: Ладомир, 1995. – 556 с.
20. Черепнин, Л.В. Русская хронология. Учебные пособия по вспомогательным историческим дисциплинам / Л.В. Черепнин. – М.: Трансжелдориздат НКПС, 1944. – 94 с.

Галямичев А.Н. ЧЕШСКИЙ ГОРОД ЛИТОМЕРЖИЦЕ: ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОЙ СУДЬБЫ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Обращение к истории отдельных городов таит в себе немалые возможности для урбанистики, поскольку в судьбе каждого из них своеобразно преломлялись общие закономерности городского развития. Нередко, в особенности – в средние века, бывало так, что город, находившийся на стрелке течения исторического развития в какое-то время, затем уступал место другим, оказываясь в «тихой заводии», на третьестепенных ролях.

Подобного рода судьбу имеет город Литомержице, в настоящее время – небольшой городок с населением около 25 тыс. человек в округе на северо-западе Чешской Республики. Литомержице привлекает сегодня мощный поток туристов, поскольку, оставшись в стороне от главных направлений индустриализации и сопровождавших её градостроительных преобразований в XIX в., сохранил своё историческое ядро почти в первозданном виде. Само же по себе оно представляет огромный интерес, поскольку формировалось в то время, когда город принадлежал к числу крупнейших городов страны, уступая во многих отношениях лишь Праге.

Литомержице принадлежит к числу древнейших городов Чехии, корни которого восходят к догосударственному периоду. По остающейся до наших дней наиболее распространённой вер-

сии название города происходит от проживавшего здесь славянского племени литомержцев, упоминаемого в хронике Козьмы Пражского¹.

Главное племенное городище литомержцев превратилось в процессе становления Чешского государства в один из областных градов². Холмистая местность, в котором он был основан, обеспечивала благоприятные условия для решение проблемы обеспечения безопасности: обрывистые склоны холмов было достаточно дополнить рукотворными укреплениями. Кроме того, здесь сливались воды двух крупных рек – Лабы (вытекая из чешских земель, эта крупнейшая река страны обретает немецкое имя Эльба) и Огрже³.

Важное стратегическое положение на границе с Саксонией, на берегу единственной реки, вытекающей из пределов Чешской долины, придавала граду особо важное значение.

Следствием этого стало учреждение в 1057 г. князем Спытигневом II Литомержицкого капитула при тогда же заложенном соборе св. Стефана. Это событие принято считать датой основания города. Разумеется, он существовал и ранее, являясь важным центром Древнечешского государства, но это событие было действительно неординарным.

Спытигнев II был очень энергичным правителем. Именно он начал перестройку главного собора Чехии – собора св. Вита на Пражском граде [4, с. 126]. Учреждение литомержицкого капитула было призвано укрепить его власть в северных областях страны. При его учреждении было оговорено право князя назначать декана капитула. Последний должен был составить противовес возможному усилению влияния градского наместника (по одной из версий, происхождение названия города могло исходить от имени первого из них – предположительно Лютобора [11, с. 65]), тем более что должность литомержицкого наместника оказалась в руках наиболее знатного (после княжеского рода Пржемысловичей) из чешских родов – рода Вршовцев, неоднократно возглавлявшего мятежи против пражских князей и вмешивавшегося в усобицы между Пржемысловичами⁴.

Могущество капитула⁵ должно было основываться на его материальной независимости от наместника. Поэтому одновременно с учреждением капитула ему было пожаловано большое количество земель, служилых людей и доходов. Дарение было зафиксировано в знаменитой грамоте – первой из дошедших до наших дней грамот дарений чешских правителей церковным институтам [8, № 55, с. 54–60].

В XI–XII вв. Литомержице, с одной стороны, представлял собой типичный чешский город – один из узлов кристаллической решётки системы градской организации. Представляя собой административный центр, он был пунктом концентрации военно-служилой знати, местом судебных заседаний, местом сбора налогов. Многообразные потребности княжеских дружинников, постоянно проживавших на граде, обеспечивали несвободные люди – ремесленники и слуги, землепашцы, рыбаки и виноградари, часть которых была в 1057 г. подарена капитулу. Поселения ремесленного и служилого люда, дворы служилых людей⁶ концентрировались вокруг града.

Однако развитие Литомержице в XI–XII вв. имело и черты своеобразия. Их главной причиной была происходившая здесь оживлённая торговля с соседними немецкими землями, происходившая по Лаве и отчасти по Огрже. Главным товаром, который доставлялся по Лаве, была соль, месторождения которой отсутствовали в Чехии⁷.

Возле пристани сложился рынок, а потребности иноземных купцов, как связанные с погрузкой-разгрузкой товаров и их временным обустройством, так и с обеспечением безопасного и быстрого движения судов по реке, особенно – против течения, создавали условия не только для самостоятельного заработка служилых людей – жителей литомержицкого подградья, но и для притока сюда свободного населения из окрестных сёл.

¹ Во включённой в текст хроники грамоте императора Генриха III от 1085 г., в которой определялись границы Пражского епископства, говорилось: «На западе границы Пражского епископства следующие: Тугаст [с областью], которая простирается до середины реки Хуб, Седлец, лучане и дечане, литомержцы, лемузы, вплоть до середины леса, составляющего границу Чехии» [4, с. 151].

² Литомержицкую область Козьма Пражский упоминает, повествуя ещё о событиях древнейшего прошлого Чехии [4, с. 48].

³ Река Огрже, берущее начало в Германии (немецкое название – Эгер), имеет протяжённость 291 км.

⁴ Как сообщает Козьма Пражский, в 1101 г. князь Борживой вернул Литомержице Вршовцу Мутине, одному из организаторов убийства Бржетислава II [4, с. 185] В 1108 г. Мутина был казнён по приказу князя Борживоя II, а уцелевшие от расправы Вршовцы нашли пристанище в Польше [4, с. 195–197].

⁵ О его значении свидетельствует, в частности, тот факт, что первый пробст Литомержицкого капитула Ланц рассматривался преемником Спытигнева II князем Вратиславом как наиболее желательная кандидатура для назначения на должность пражского епископа [4, с. 131].

⁶ Археологические исследования позволили открыть один из них, принадлежавший основателю знаменитого Тепельского монастыря святому Грознате [15, с. 11].

⁷ Недаром в числе пожалований Спытигнева II литомержицкому капитулу было дарения части соляной пошрины.

Потребности развития дальней торговли обусловили и раннее оседание здесь немецких купцов, вынужденных приспособляться к условиям местной среды.

Кульминацией исторической судьбы Литомержице следует, на наш взгляд, признать XIII – середину XIV в., время интенсивного развёртывания немецкой колонизации и интенсивного обновления социально-экономического и политико-правового уклада жизни чешских земель.

Поддерживавший постоянные торговые связи с немецкими землями, Литомержице вошли в число первой волны городов Чехии, которые обрели правовой статус города на основе немецкого городского права.

Этот процесс развернулся в чешских землях в первые десятилетия XIII в. и был обусловлен потребностями создания надёжных инструментов правовой защиты жизни и собственности жителей городов. Носителем писаного городского права стали приглашавшиеся чешскими правителями колонисты из городов Германии. Главным условием прибытия и обустройства последних в Чехии являлось предоставление возможности жить согласно собственным правовым обычаям и традициям. Поскольку в Чехии в доколониционный период не сложилось самобытного городского права, тем более – зафиксированного в письменной форме, жалуемые немецким колонистам права и привилегии имели большую притягательную силу не только для обосновавшихся в чешских городах в XI – XII вв. немецких купцов, но и для славянского населения сложившихся вокруг областных градов городских агломераций.

Скупые свидетельства источников позволяют предположить, что в 1228 г. произошло важное событие в средневековой истории Литомержице – образование самоуправляющейся городской общины. Именно тогда король Пржемысл Оттокар I путём обмена приобрёл у Тепельского монастыря подаренный ему раньше участок земли в местности между пристанью и градом для строительства городского поселения на удобном для этого месте [9, № 310, с. 307–308]. Именно тогда возникла рыночная площадь — сердце средневекового города, одну сторону которой образовала старая, существовавшая вдоль дороги от пристани к граду застройка, а три остальные образовались в результате строительства на заранее выделенных под застройку участках в виде удлинённых прямоугольников.

Важным рубежом в истории Литомержице стал 1262 год, когда король Пржемысл Оттокар издал грамоту, в которой письменно фиксировалось освобождение жителей города из сферы действия крайских судов и подтверждалось самоуправление на основе магдебургского права. Одновременно король предоставлял льготы всем, кто пожелал бы обустроиться на горе св. Стефана, увеличив за счёт освоенных на её склонах земель (включая виноградники) территорию самоуправляющегося города¹.

Грамота отразила характер городской политики короля, видевшего в городах важный инструмент укрепления своей власти. Идя навстречу просьбам горожан о письменной фиксации особого правового статуса городской территории, король заботился также об укреплении стратегического значения Литомержице, соединения поселения вокруг рыночной площади с изначальным ядром города, находившемся на вершине холма св. Стефана.

Следующий источник по истории городского права Литомержице занимает исключительное место не только в истории средневековых городов Чехии, но и в истории всего Центрально-европейского региона. В конце 1281 или начале 1282 г. литомержицкие бюргеры обратились к шеффенам Магдебурга с просьбой передать им письменное изложение магдебургского права.

Подобного рода обращения не были редкостью, однако уникальность литомержицкого случая состояла в том, что горожане обращались в Магдебург непосредственно, без обычного в таких случаях участия и покровительства сеньора (как правило, правителя страны). Исключительность обстоятельств обращения объясняет сложившаяся в Чехии после гибели короля Пржемысла Оттокара II в 1278 г. в чешских землях ситуация, названная современными хронистами «злыми годами» [14, с. 335–368]. В течение пяти лет, до возвращения в Прагу 24 мая 1283 г. малолетнего короля Вацлава II страной управлял регент – маркграф Бранденбургский Оттон IV, вместе с которым в Чехию хлынули полчища корыстолюбивых и жестоких чужеземцев, бесчинства которых заставили хрониста сравнить страдания чешских христиан в эти годы с гонениями времён римских императоров Диоклетиана и Максимиана [14, с. 350–351]. Против

¹ Перевод грамот Пржемысла Оттокара II литомержицким бюргерам, изданных в 1262 г., см. в публикации: [2, с. 246–252].

власти регента сложилась оппозиция чешских сословий, важную роль в образовании которой сыграли королевские города, в том числе – Литомержице.

Магдебург благосклонно отнёсся к просьбе литомержицких бюргеров, в ответ на которую в город на Лабе была доставлена рукопись с изложением сложившихся к тому времени установлений магдебургского городского права [12, с. 73–75].

Эта рукопись, как и другие древние привилегии Литомержиц, была утрачена во время пожара в 1297 г.

Однако пожар не остановил развитие города, и в 1325 г. литомержицкие бюргеры добились от короля Иоанна Люксембурга пожалования новой грамоты привилегий, которая подтверждала все прежние права города и даровала новые [10, № 133, с. 219–222].

К числу важных для любого средневекового города прав относилось мильное право, устанавливавшее монополию литомержицких бюргеров на занятия ремёслами, а также содержание постоянных дворов в городской округе (в пределах чешской городской мили – около 10 км). Для Литомержице, само рождение и весь жизненный уклад которого были неразрывно связаны с Лабой, огромное значение имело дарование городу права стапья: все прибывавшие в город как по реке, так и по сухопутным дорогам купцы были обязаны остановиться в городе на три дня, выложить свой товар для продажи, причём право первоочередной покупки имели при этом литомержицкие бюргеры.

Последнее предписание было особенно важным, обеспечивая городу ключевое положение в торговле по Лабе – одной из наиболее удобных (если на самой удобной) трасс, связывавших Чехию не только с соседними немецкими землями, но и с Северным морем.

Помимо привилегий экономического характера, Литомержице получил от короля подтверждение сложившегося, видимо, после получения правовой рукописи из Магдебурга в 1282 г. статуса высшей судебной инстанции для городов Чешского королевства, пользовавшихся для решения вопросов самоуправления магдебургским правом.

Это установление, означавшее подтверждение особого статуса Литомержице для большинства городов, расположенных в северной части страны, было вершиной средневекового развития города, вступившего в XIV в. в период своего наивысшего расцвета¹.

Покровительство городу оказывал и сын Иоанна Люксембурга Карл IV, король Чехии и император Священной Римской империи (1346–1378), пожаловавший 7 мая 1359 г. бюргерам господствующий над местностью в окрестностях Литомержице холм Радобыл для обустройства виноградников [10, № 376, с. 548–549]². В годы его правления вокруг города были построены новые, каменные стены, пришедшие на смену прежним, деревянным укреплениям, защищавшим только первоначальное, сложившееся к середине XIII в., ядро города. Остатки крепостных стен и башен сохранились до наших дней. Именно в Литомержице предоставил Карл IV место для службы Конраду Вальдгаузеру — приглашённому им в Чехию из Австрии проповеднику, считающемуся одним из главных предшественников Яна Гуса [13, с. 522].

Однако пребывание знаменитого проповедника в Литомержице оказалось недолгим. Главным полем его деятельности стала Прага. Это событие может служить, на наш взгляд, своеобразной вехой нового периода истории Литомержице, обозначившей начало постепенного замедления темпов развития города на Лабе.

Во время гуситских войн город первоначально сохранял верность императору Сигизмунду, на сторонников гуситов обрушились суровые репрессии. Хронист Лаврентий из Бржезовой сообщает, что в 1419 г. «в день мая месяца 30-й в городе Литомержице 17 человек из горожан, которые за причащение из чаши содержались долгое время в ужасных условиях в одной из тюрем, полной нечистот, по приказанию короля венгерского Сигизмунда были утоплены в реке Лабе, протекающей под этим городом, и снискали себе там с благой надеждой мученический венец» [5, с. 78].

Однако уже в 1421 г. перед лицом угрозы захвата города таборитами во главе с Жижкой, литомержицкие бюргеры присоединились к городам пражского союза [5, с. 206], а затем – и к радикальному крылу гуситов.

¹ Этот факт нашёл, в частности, отражение на страницах работы известного современного английского историка-медиевиста Р. Барлетта «Становление Европы» [1, с. 195].

² Район Литомержице принадлежит к числу наиболее тёплых в Чехии, вследствие чего стал одним из древнейших очагов виноградарства и виноделия. Виноградари упоминаются уже в учредительной грамоте Литомержицкого капитула, а литомержицкое вино завоевало в средневековой Чехии добрую славу.

В целом же Литомержице остался в стороне от главных событий гуситской эпохи. В дальнейшем, по крайней мере, в течение XV – XVII вв., город продолжал принадлежать к числу крупных городских центров, являясь местом рождения выдающихся произведений чешского искусства (живопись Мастера Литомержицкого алтаря [7, с. 244–245], архитектурные памятники чешского Ренессанса [6, с. 120, 162; 3, с. 361]), крупным очагом книгопечатания. Понеся значительный урон в годы восстания чешских сословий и Тридцатилетней войны, Литомержице получили определённый импульс для развития благодаря основанию в 1665 г. епископства.

Однако в XVIII – XIX вв. наметившаяся со второй половины XIV в. тенденция к замедлению темпов развития города сравнительно с более динамично развивавшимися городами как в других частях страны, так и на севере Чехии сохранилась и ещё более упрочилась, что обусловило постепенное превращение Литомержице в небольшой город, главным достоянием которого является сегодня богатейшее историко-культурное наследие.

1. Барлетт, Р. Становление Европы. Экспансия, колонизация, изменения в сфере культуры (950–1350) / Р. Барлетт. – М. : РОС-СПЭН, 2007. – 432 с.
2. Галямичев, А. Н. Две грамоты (привилегии) чешского короля Пржемысла Оттокара II городу Литомержице (1262) / А. Н. Галямичев // Средневековый город. – Саратов, 2009. – Вып. 20. – С. 246–252.
3. Дворник, Ф. Славяне в европейской истории и цивилизации / Ф. Дворник. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 800 с.
4. Козьма Пражский. Чешская хроника / вступит. ст., пер. и коммент. Г. Э. Санчука. – М. : Изд-во АН СССР, 1962. – 296 с.
5. Лаврентий из Бржезовой. Гуситская хроника / пер. В. С. Соколова. – М. : Изд-во АН СССР, 1962. – 330 с.
6. Маца, И. Л. Архитектура Чехословакии. Исторический очерк / И. Л. Маца. – М. : [Госстройиздат], 1959. – 304 с.
7. Поп, И. И. Искусство Чехии и Моравии IX – начала XVI века / И. И. Поп. – М. : Искусство, 1978. – 256 с.
8. Codex diplomaticus et epistolarius regni Bohemiae / ed. G. Friedrich. – Pragae, 1904. – Т. I. – 568 s.
9. Codex diplomaticus et epistolarius regni Bohemiae / ed. G. Friedrich. – Pragae, 1912. – Т. II. – 574 s.
10. Codex juris municipalis regni Bohemiae / ed. J. Čelakovský. – Pragae, 1895. – Т. II. – 1296 s.
11. Dějiny města Litoměřic. – Litoměřice, 1997. – 479 s.
12. Mareš, J. Magdeburské právo ve městech severozápadních Čech v přehusitské době / J. Mareš. – Praha, 2008. – 185 s.
13. Spěváček, J. Karel IV. Život a dílo [1316–1378] / J. Spěváček. – Praha, 1979. – 721 s.
14. Wyprawowani o złých létech po smrti krále Přemysla Otakara II // Fontes rerum Bohemicarum. – Praha, 1874. – Т. II. – P. 335–368.
15. Žebrova, M. Sakrální architektura a aglomerace středověkých Litoměřic / M. Žebrova. – Praha, 2014. – 61 s.

Сурга Е.Н.

ПОСТАНОВЛЕНИЯ О СОСЛОВНЫХ ПРАВИЛАХ В ОДЕЖДЕ XIV–XV ВЕКОВ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ГОРОДОВ И ГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ (на примере Священной Римской империи)

В культурно-историческом контексте социальной истории, исследующей процессы городской социализации, эволюцию культурных традиций и ментальных структур, в последние годы уделяется особое внимание нормам и требованиям к одежде, возникавшим в европейских городах в период Позднего средневековья и раннего нового времени. Требования, формировавшиеся в городах Германии и касающиеся правил выбора и ношения одежды, обуви и украшений (Kleiderordnungen), были не только законами против роскоши, издававшимися в XIV–XVIII вв. городскими советами, они являлись также индикатором политического и экономического положения того или иного города и сословной группы. И с этой точки зрения, данные нормы и требования представляют собой важный исторический источник для изучения, в частности, процессов социально-имущественной дифференциации и маргинализации в урбанной среде, статуса различных профессиональных общностей, особенностей менталитета и социальной психологии, взаимоотношений субъекта и общества. С одной стороны, они демонстрируют этаблированную социальную стратификацию, а с другой, являются средством самоидентификации определенных общественных групп, профессиональных корпораций или конкретных лиц.

Постановления о сословных правилах в одежде были известны во Франции, в христианских государствах Пиренейского полуострова и городах Италии уже в XIII в. В XIV–XV вв., когда в городах Западной Европы сформировался слой влиятельного бюргерства, постановления о сословных правилах в одежде, называемые также законами против роскоши (Luxusgesetze), стали неотъемлемой частью городского законодательства в Германии. Почти каждый мало-мальски значительный город обладал как минимум одним законом, регулирующим одежду горожан [9; 13]. На территории Священной Римской империи их активное распространение начинается с середины XIV в. [5, с. 14], хотя первые постановления такого рода известны в немецких городах уже с XIII в. Причины этого были разнообразны.